

БОЛЬШАЯ
ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ
СЕРИЯ

ВАЛЬТЕР СКОТТ

ВАЛЬТЕР СКОТТ

Талисман,
или Ричард Львиное Сердце
в Палестине

Иллюстрации
А. РИЧМОНА И А. ПЭРИ

Издательство
АЛЬФА-КНИГА
Москва
2018

УДК 821.161.1
ББК 84(Англ.)6-5
С44

Перевод с английского
*П. Оболенского,
Т. и В. Ровинских*

Рисунок на переплете
С. А. Григорьева

Скотт Вальтер

С44 Талисман, или Ричард Львиное Сердце в Палестине / Пер. с англ. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2018. — 327 с.: ил. — (Большая иллюстрированная серия).

ISBN 978-5-9922-2635-5

«Талисман, или Ричард Львиное Сердце в Палестине» — один из лучших исторических романов классика английской и мировой литературы сэра Вальтера Скотта (1771—1832).

Исторической канвой романа послужили события крестовых походов, овеянные легендами и преданиями, связанными с поисками священных реликвий и артефактов. Главный герой романа — шотландский принц сэр Кеннет. Инкогнито присоединившись к участникам похода на Святую землю, он с истинно рыцарской доблестью разоблачает интриги, которые плетутся вокруг внезапно заболевшего жестокой лихорадкой короля Ричарда Львиное Сердце. Избежав все ловушки, расставленные ему гроссмейстером ордена тамплиеров, он помогает своему монарху и завоевывает руку и сердце прекрасной леди Эдит — племянницы Ричарда.

В настоящем издании полностью публикуется цикл из 73 иллюстраций, которые выполнили известные французские художники — А. Ричмон и А. Пэри для парижского издания 1892 г.

УДК 821.161.1
ББК 84(Англ.)6-5

ISBN 978-5-9922-2635-5

© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2018

A DE RICHEMONT.

ГЛАВА I

Уставшие, ушли они
в безлюдные места...
С оружием в руках...

*Мильтон,
«Возвращенный рай»*

П алящее солнце Сирии еще не достигло зенита, когда одинокий рыцарь Красного Креста, покинувший свою далекую северную отчизну и вступивший в войско крестоносцев в Палестине, медленно ехал по песчаной пустыне близ Мертвого моря, там, где в него вливает свои воды Иордан. У этого внутреннего моря, называемого также «озером Асфальтитов», нет ни одного истока.

С раннего утра странствующий воин с трудом пробирался среди скал и ущелий. Затем, оставив позади опасные горные ущелья, он выехал на обширную равнину, где не-

когда стояли древние города, навлекшие на себя проклятие и страшную кару Всевышнего. Когда путник вспомнил об ужасной катастрофе, превратившей прекрасную плодородную долину Сиддим в сухую и мрачную пустыню, он забыл усталость, жажду и все опасности пути. Здесь когда-то был земной рай, орошаемый многочисленными ручьями. Теперь же на этом месте расстилалась голая, иссушенная солнцем пустыня, обреченная на вечное бесплодие.

Путник вздрогнул и перекрестился при виде темных вод, так непохожих на воды других озер: он вспомнил, что под этими ленивыми волнами лежат некогда горделивые города. Могилы их были вырыты громом небесным или извержениями подземного огня, и море скрыло их останки; ни одна рыба не находит приюта в его пучинах, ни один челнок не бороздит его поверхности, и оно не шлет своих даров океану, подобно другим озерам, как будто его страшное ложе лишь одно способно хранить эти мрачные воды. Как в дни Моисея, вся местность вокруг была «покрыта серой и солью: ее не засевают, на ней не растут ни плоды, ни трава». Землю, подобно озеру, можно было назвать мертвой: она не производила ничего, что хоть отдаленно походило бы на растительность. Даже в воз-

духе нельзя было увидеть его обычных пернатых обитателей: их, по-видимому, отгонял запах серных и соляных паров, густыми облаками поднимавшихся из озера под действием палящих солнечных лучей. Облака эти временами напоминали смерчи и гейзеры. Испарения клейкой и смолистой жидкости, называемой нефтью, которая плавала на поверхности этих темных вод, смешивались с клубящимися облаками, как бы подтверждая правдивость страшной легенды о Моисее.

Солнце заливало ослепительно ярким светом этот пустынный ландшафт, и все живое словно спряталось от его лучей. Лишь одинокая фигура всадника медленно двигалась по сыпучему песку; она казалась единственным живым существом на этой широкой равнине.

Доспехи всадника и упряжь его коня мало подходили для путешествия по такой стране. Кольчуга с длинными рукавами, стальной нагрудник и латные рукавицы в те времена не считались слишком громоздким вооружением. С шеи рыцаря свешивался треугольный щит. На голове был стальной шлем с накинутым поверх него капюшоном, который закрывал плечи и шею и заполнял промежуток между латами и шлемом. Бедра и голени всадника, так же как и тело, были надежно защищены гибкой кольчужой, ноги, подобно рукам, были закованы в латы. С левой стороны висел длинный широкий прямой меч с крестообразной рукоятью; с правой стороны — короткий кинжал. Вооружение рыцаря дополняло прикрепленное к седлу длинное копьё со стальным наконечником; нижний его конец упирался в стремя. На ходу оно отклонялось назад, и флажок на нем то развевался, словно играя с легким ветерком, то свисал неподвижно при полном безветрии. Все это громоздкое снаряжение было прикрыто вышитым плащом, сильно потертым и обтрепанным, защищавшим его от палящих солнечных лучей; без такой защиты железные латы слишком накалялись бы от солнца, и всадник не мог бы вынести их прикосновения. На плаще в нескольких местах был вышит герб его владельца, правда изрядно выцветший. Насколько можно было разобрать, на нем был изображен спящий леопард; девиз гласил: «Я сплю — не буди меня». Изображение герба было также на его щите, но многочисленные удары вражеских мечей почти совершенно стерли его. Плоский верх тяжелого цилиндрического шлема не имел обычного украшения в виде гребня. Не расставаясь со своими тяжелыми доспехами, северные крестоносцы словно бросали вызов климату и природе той страны, куда они пришли воевать.

Снаряжение коня едва ли было менее грузным и громоздким, чем доспехи его всадника. На нем было седло, обитое стальным листом; спереди оно соединялось с латами, защищающими грудь, сзади продолжением седла служил стальной панцирь, прикрывающий круп. С луки седла све-

шивалась булава, наподобие стального топора или молота. Уздечка была скреплена цепочкой. Стальная пластинка с отверстиями для глаз и ушей прикрывала голову; в середине этой пластинки находился короткий острый шишак, напоминающий рог фантастического единорога.

Привычка, однако, делается второй натурой: и рыцарь и его благородный конь свыклись с этим тяжелым бременем. Правда, немало воинов из западных стран, отправившихся в Палестину, погибало, так и не свыкнувшись с ее знойным климатом. Некоторым же он не приносил вреда и даже шел на пользу. К числу этих немногих счастливцев принадлежал и одинокий всадник, медленно ехавший по берегу Мертвого моря.

Природа одарила его такой силой, что он носил тяжелую кольчугу, как будто ее кольца были сотканы из паутины. Она выковала и его здоровье, он легко переносил перемену климата, усталость и всевозможные лишения. В его характере, казалось, было что-то от этого могучего телосложения. В то время как тело его отличалось силой и выносливостью, характер под внешним спокойствием и невозмутимостью таил в себе ту пламенную и восторженную любовь к славе, которая всегда являлась неотъемлемой чертой славной норманнской расы, делая норманнов властителями во всех концах Европы, где они обнажали свои отважные мечи.

Но не всем представителям этой расы уготовила фортуна столь соблазнительные награды. Нашему одинокому рыцарю за двухлетнее его странствование по Палестине удалось обрести лишь мимолетную славу и, как его учили верить, некоторые духовные блага. Тем временем его скудные деньги таяли с каждым днем; он никогда не прибегал к тем обычным средствам, какими крестоносцы часто пополняли свои кошельки за счет населения Палестины: он не вымогал у несчастных жителей никаких подарков за то, что щадил их имущество во время войны с сарацинами, и никогда не пользовался возможностью обогащения при помощи выкупов за знатных пленников. Немногочисленная свита, сопровождавшая его с начала путешествия, постепенно уменьшалась из-за недостатка средств на ее содержание. Единственный оставшийся у него оруженосец заболел и не мог сопровождать своего господина, который, как мы видели, путешествовал в одиночестве. Это, однако, не имело большого значения для крестоносца: он привык смотреть на свой верный меч как на самую надежную защиту, а на свои благочестивые размышления — как на лучших спутников.

Но рыцарь Спящего Леопарда, несмотря на свое железное здоровье и выносливость, все же нуждался в подкреплении и отдыхе; и в полдень, когда Мертвое море находилось в некотором отдалении от него с правой стороны, он с радостью увидел несколько пальм, росших около источника, у которого он собирался устроить себе полуденный отдых. Его добрый конь, медленно двигавшийся вперед, с тем же упорством, какое от-

лично всадника, поднял голову, расширил ноздри и ускорил шаг, как бы почуя вдали живительную влагу, предвещающую отдых и корм. Но прежде чем конь и всадник достигли желанной цели, им пришлось столкнуться с опасностями и перенести немало испытаний.

Внимательно всматриваясь в эти пальмы, рыцарь Спящего Леопарда заметил среди них какую-то движущуюся точку. Она отделилась от пальм, отчасти скрывавших ее движения, и стала приближаться к рыцарю с такой быстротой, что вскоре он мог распознать в ней всадника. Когда тот приблизился еще больше, по тюбану, по развевающемуся зеленому плащу и длинному копыю он узнал в нем сарацина. «В пустыне нельзя встретить друга», — говорит восточная пословица. Но крестоносец не беспокоился о том, друг или враг этот неверный, приближавшийся на своем арабском коне, словно на крыльях орла. Верный воин креста, пожалуй, предпочел бы, чтобы он оказался врагом. Высвободив из стремени копьё, он взял его на изготовку, подобрал левой рукой поводья, слегка пришпорил своего ретивого коня и приготовился к встрече с незнакомцем со спокойной уверенностью рыцаря, привыкшего выходить победителем из схваток.

Арабский всадник приближался быстрым галопом, управляя конем больше ногами и легким наклоном всего тела, чем поводьями, свободно свешивавшимися с его левой руки. Благодаря этому он мог свободно держать небольшой круглый щит из кожи носорога, украшенный серебром, размахивая им во все стороны, как бы намереваясь отразить этим легким диском сокрушительный удар рыцарского копыя.

Вместо того чтобы взять свое собственное длинное копьё на изготовку, как это сделал его противник, сарацин держал его за середину вытянутой правой рукой и размахивал им над головой. Приближаясь к неприятелю на полном скаку, он, видимо, предполагал, что рыцарь Спящего Леопарда также галопом на скаку приблизится к нему. Но христианский рыцарь, которому хорошо были известны все повадки восточных воинов, не хотел бесполезными усилиями утомлять своего верного коня. Он остановился, сознавая, что если враг приблизится для удара, то тяжесть его собственных доспехов, а также его коня явится достаточной гарантией превосходства над противником и без добавочной силы стремительного движения. Видимо поняв грозившую ему опасность, сарацинский всадник приблизился к христианину на расстояние двойной длины копыя, быстро и с поразительной ловкостью повернул коня влево и сделал два круга вокруг своего противника. Последний, не двигаясь с места, лишь поворачивался, чтобы встретить его лицом к лицу, предупреждая попытки сарацина напасть на него с незащищенной стороны. Наконец сарацин был принужден описать большой круг и отъехать шагов на сто. Затем, словно ястреб, нападающий на цаплю, мусульманин возобновил атаку,

однако опять ему пришлось отступить. Повторил он это и в третий раз. Но христианский рыцарь, намереваясь покончить с игрой, в которой он мог бы истощить свои силы, внезапно схватил привешенную к седлу булаву и, нацелившись, метко бросил ее в голову эмира — таков был высокий титул его противника. Сарацин успел только прикрыть свою голову легким щитом. Но все же от сильного удара щит упал на его тюрбан, и хотя эта защита несколько ослабила силу удара, мусульманин был сшиблен с коня. Но прежде чем рыцарь сумел воспользоваться его падением, ловкий мусульманин вскочил на ноги и, позвав своего коня, который тотчас прискакал к нему, не касаясь стремени, прыгнул в седло и вернул себе все преимущества, которых рыцарь Спящего Леопарда надеялся его лишить. Рыцарь тем временем поднял свою булаву. Восточный же воин, увидав, как искусно и ловко его враг владеет ею, решил отъехать и держаться подальше от этого оружия, мощь которого он только что испытал на себе, по-видимому намереваясь сражаться на почтительном расстоянии, применяя свое собственное метательное оружие. Воткнув копьё в песок на некотором расстоянии от места схватки, он ловко натянул тетиву небольшого лука, висевшего у него за спиной. Подскакав к противнику, он опять описал два-три широких круга, более широких, чем прежде, и выпустил шесть стрел так метко, что только сталь лат спасла рыцаря от такого же числа ран. Седьмая стрела нашла, по-видимому, менее защищенное место, и христианин тяжело рухнул на землю. Но каково же было изумление сарацина, когда он, сойдя с коня, чтобы посмотреть, что случилось с его поверженным врагом, внезапно очутился в железных объятиях рыцаря, который прибегнул к этой хитрости, чтобы приманить к себе противника. Но даже в этой смертельной схватке ловкость и присутствие духа сарацина спасли его. Он быстро отстегнул пояс с мечом, за который ухватился рыцарь Леопарда, и таким образом ускользнул из его объятий. Сарацин вскочил на коня, который почти с человеческой наблюдательностью следил за движениями своего хозяина, и ускакал прочь. Однако в этой схватке эмир потерял меч и колчан со стрелами, прикрепленные к поясу, с которым ему пришлось расстаться. Он потерял также свой тюрбан. Все эти неудачи заставили мусульманина искать перемирия. Протянув руку, он приблизился к христианину, но в поведении его уже не было ничего угрожающего.

— Между нашими народами заключено перемирие, — сказал он на лингва-франка — языке, обычно употреблявшемся между крестоносцами и сарацинами. — Почему же должна быть война между тобой и мной? Пусть наступит мир между нами!

— Я согласен, — отвечал рыцарь Спящего Леопарда. — Но где порука в том, что ты будешь соблюдать перемирие?

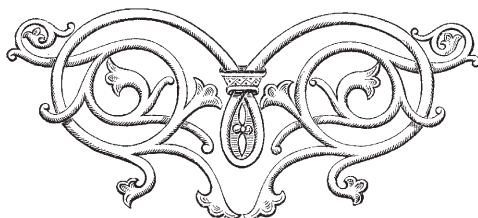
— Слово служителя пророка нерушимо, — ответил эмир. — Скорее от тебя, храбрый назарянин, мне нужно было бы потребовать залог, если бы я не знал, что измена редко уживается с мужеством.

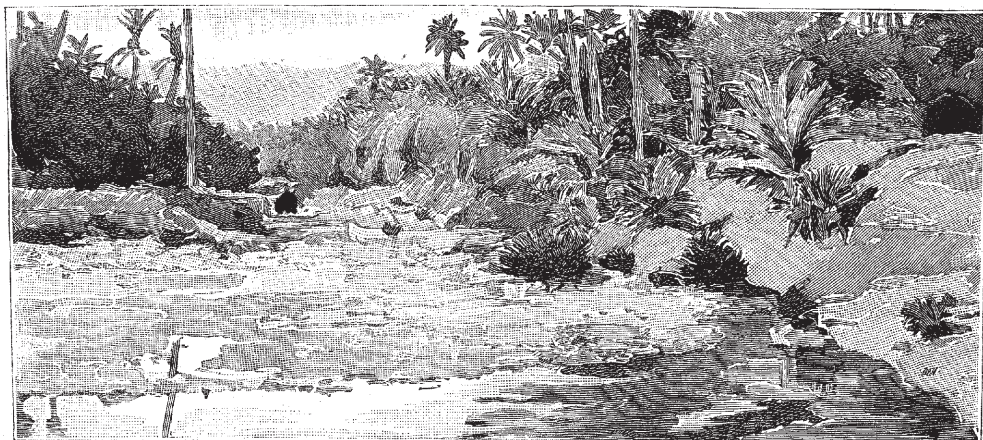
Подобная доверчивость мусульманина заставила крестоносца устыдиться своих сомнений.

— Клянусь крестом своего меча, — сказал он, положив руку на эфес, — я буду тебе верным товарищем, сарацин, пока судьбе будет угодно, чтобы мы не разлучались!

— Клянусь Мухаммедом, пророком божьим, и Аллахом, богом пророка, — сказал его недавний враг, — в сердце моем нет измены в отношении тебя. А теперь пойдем к источнику: ведь настал час отдыха, я едва успел прикоснуться губами к его прохладной струе, когда твое появление заставило меня приготовиться к схватке с тобой.

Рыцарь Спящего Леопарда учтиво выразил свое согласие, и недавние враги, ни взглядами, ни жестами не выказав больше вражды и недоверия друг к другу, бок о бок поехали к группе видневшихся вдали пальм.

A DE RICHEMONT.

ГЛАВА II

В те времена, когда люди сталкиваются с опасностями, всегда бывают промежутки, когда устанавливается взаимное доверие и расположение. Проявлялось это особенно часто в феодальные времена; по тогдашним нравам война считалась главным и самым достойным занятием, а поэтому периоды мира, или, вернее, перемирия, особенно ценились воинами, столь редко ими пользующимися: мимолетность этих передышек делала их еще более желанными. Стоит ли хранить вечную ненависть к врагу, с которым ты сражался сегодня и, быть может, снова встретишься в кровавой схватке завтра утром? Обстоятельства и время давали такой простор бурным проявлениям сильных страстей и насилия, что люди, если у них не было особых причин для вражды или если их не подогревали воспоминания о личных обидах, с удовольствием входили в мирное общение друг с другом в течение коротких передышек, которые им давала военная жизнь.

Различие религий и даже то фанатическое рвение, которое возбуждало взаимную ненависть у последователей Креста и Полумесяца, смягчались великодушием, свойственным всем благородным воинам, и особенно близким духу рыцарства. От христиан эту славную традицию мало-помалу стали воспринимать их смертельные враги сарацины как в Испании, так и в Палестине. И действительно, они не были уже теми фанатиками-дикарями, которые когда-то нахлынули из необъятных арабийских пустынь с саблями в одной руке и с Кораном в другой, сея смерть

и веру в Мухаммеда или в лучшем случае обращая в рабство или облагая данью всех, кто осмеливался противиться вере пророка из Мекки. Таков был выбор, который они навязали миролюбивым грекам и сирийцам. Но в столкновении с христианами Запада, обладавшими таким же неукротимым мужеством и ловкостью и прославившими себя многими подвигами, сарацины постепенно начали воспринимать их нравы и в особенности те рыцарские обычаи, которые не могли не поразить воображение этого гордого и отважного народа. Они устраивали турниры и рыцарские состязания, у них даже появились собственные рыцари или подобные им звания. Но самым важным было то, что сарацины всегда были верны данному слову, эта их черта могла бы устыдить приверженцев более совершенной религии. Они свято соблюдали перемирия между народами и отдельными людьми. Поэтому война, может быть — худшее из всех зол, представляла им случай проявить верность, великодушие, милосердие и даже добрые чувства. Может быть, чувства эти не так часто проявляются в более спокойные времена, когда страсти, вызванные обидами и распрями, таятся в людских сердцах, не находя выхода.

Под влиянием таких добрых чувств, часто смягчающих ужасы войны, христианин и сарацин, незадолго до этого старавшиеся уничтожить друг друга, медленно двигались к источнику под пальмами, куда направлялся рыцарь Спящего Леопарда, когда на него напал его ловкий и опасный противник. Как бы давая себе отдых после схватки, грозившей каждому роковым исходом, они погрузились в размышления. Их верные кони, видимо, в равной мере наслаждались этими минутами отдыха. Конь сарацина, которому хоть и пришлось гораздо больше двигаться, казался менее усталым, чем конь европейского рыцаря. С последнего еще струился пот, в то время как благородному арабскому скакуну достаточно было нескольких минут, чтобы обсохнуть, — лишь клочья пены виднелись кое-где под уздой и на попоне. Зыбкая почва, по которой они передвигались, усиливала усталость коня христианского рыцаря, — ведь он, помимо своего тяжелого снаряжения, нес на себе закованного в латы всадника. Сойдя с коня, рыцарь повел его по мягкой густой пыли, под жгучими лучами солнца превратившейся в мельчайшие песчинки. Этим он давал отдых своему верному коню, увеличивая собственную усталость. Ноги рыцаря, закованного в тяжелые латы, при каждом шаге глубоко увязали в сыпучем песке.

— Ты хорошо делаешь, — сказал сарацин, и это были первые его слова после заключения перемирия. — Твой добрый конь стоит твоих забот. Но как в такой пустыне иметь дело с конем, который ногами уходит так глубоко в песок, будто хочет достать корни финиковой пальмы?

— Ты говоришь правду, сарацин, — сказал христианский рыцарь, не очень одобряя тот пренебрежительный тон, с каким сарацин говорил о

его любимом коне, — правду, которой научила тебя жизнь в пустыне. Но в моей стране мой конь не раз переносил меня через озеро столь же широкое, как то, что раскинулось позади нас, не замочив ни волоска над копытами.

Сарацин посмотрел на него с изумлением, насколько это позволяла ему его природная вежливость: оно выразилось лишь в легкой презрительной улыбке, скользнувшей под его густыми усами.

— Правду говорят, — сказал он, и к нему сразу вернулось его обычное невозмутимое спокойствие, — послушай франка — услышишь басню.

— Не очень-то ты учтив, басурман, — отвечал крестоносец. — Ты сомневаешься в словах рыцаря. И если бы ты говорил это не по невежеству, а по злобе, то наше перемирие кончилось бы, не успев как следует начаться. Ты думаешь, что я лгу, когда говорю, что вместе с пятьюстами всадниками, закованными, как и я, в тяжелые латы, я проехал много миль по воде, твердой как хрусталь и в десять раз менее хрупкой?

— Что ты мне говоришь? — отвечал мусульманин. — Вон то озеро, на которое ты указываешь, из-за проклятия Всевышнего ничего не принимает в свои волны и все выбрасывает на берег. Но ни Мертвое море, ни один из семи океанов, омывающих землю, не может выдержать тяжести конского копыта, как в свое время Чермное море не могло выдержать фараона с его войском.

— Ты говоришь правду по своему разумению, сарацин, — сказал христианский рыцарь. — Но поверь мне: я не рассказываю тебе басни. В этой пустыне жара делает землю почти такой же зыбкой, как вода, а в моей стране холод часто делает воду твердой, как скала. Но лучше не будем больше говорить об этом. Воспоминания о голубой прозрачной поверхности наших озер, зимой отражающих блеск луны и звезд, усугубляет для меня ужасы этой знойной пустыни, где воздух, которым мы дышим, подобен дыханию раскаленной печи.

Сарацин внимательно посмотрел на него, как бы недоумевая, как ему понять эти слова — скрывалась ли за ними какая-то тайна или это была

просто ложь. Наконец он сообразил, как ему надо понять слова своего спутника.

— Как видно, — сказал он, — ты принадлежишь к племени, которое любит посмеяться. Вы любите посмеяться над другими, рассказывая небылицы. Ведь ты принадлежишь к французским рыцарям, а их первое удовольствие дурачить друг друга, хвастаясь сверхчеловеческими подвигами. Если бы я стал спорить с тобой, я все равно был бы не прав, поскольку хвастовство свойственно вам больше, чем правда.

— Я не из их страны и не следую их повадкам, — сказал рыцарь, — или привычке дурачить людей, как ты сказал, хвастаясь выдумками или начиная дело, которое не может быть доведено до конца. Но я уподобился этим безумцам, рассказывая тебе, храбрый сарацин, о вещах, которые ты не можешь понять: я оказался в твоих глазах хвастливым лгуном, хоть я и сказал тебе чистую правду. Поэтому прошу, не обращай внимания на мои слова.

В это время они подъехали к тенистым пальмам, из-под которых бил искрящийся источник.

Мы говорили о коротком перемирии во время войны: столь же отрадным был этот прелестный уголок среди бесплодной пустыни. В другом месте его красота не привлекла бы особого внимания. Но здесь, в безграничной пустыне, где этот оазис был единственным местом, сулившим живительную влагу и тень — блага, которыми мы не дорожим, когда имеем их в изобилии, он казался маленьким раем. В те далекие времена, когда для Палестины еще не наступили черные дни, чья-то добрая и милосердная рука обнесла стеной этот источник, прикрыв его сводом, чтобы он не просочился в землю и чтобы облака пыли, поднимавшиеся при малейшем дуновении ветра, не засыпали бы его. Этот свод был полуразрушен, но часть его по бокам прикрывала источник, защищая его от солнца. Лишь случайно лучи кое-где освещали поверхность воды. В то время как все кругом было иссушено и пылало от нестерпимого зноя, ничем не нарушаемый покой оазиса ласкал глаз и воображение. Выбываясь из-под арки, вода стекала в мраморный бассейн, правда полуразрушенный, но все еще веселящий взор. Все свидетельствовало о том, что это место еще в древности предназначалось для отдыха путников и что когда-то здесь трудилась заботливая человеческая рука. Все напоминало усталому путнику, что и другие испытывали те же невзгоды, и отдыхали на том же месте, и, несомненно, благополучно достигали более гостеприимных краев. Едва заметный ручеек, вытекавший из бассейна, орошал несколько деревьев, окружавших источник; здесь он уходил в землю и пропадал, и лишь бархатный зеленый ковер напоминал о его благодетельном присутствии.

Здесь, в этом прекрасном уголке, воины сделали привал; каждый из них, согласно своему обычаю, снял с коня узду и расседлал его, напоив в бассейне. Они сами напились из источника под сводом. Затем они пустили коней пастись, зная их привычки: чистая вода и свежая трава не дадут им далеко уйти от своих хозяев.

Христианин и сарацин сели рядом на лужайке и достали из своих сумок скудные запасы еды, которые они захватили с собой. Однако, прежде чем приступить к своей скромной трапезе, они пристально оглядели друг друга. Подобное любопытство было вызвано тем, что после недавней схватки не на жизнь, а на смерть каждому хотелось измерить силы своего грозного противника, да и по возможности составить себе представление о его характере. И каждый должен был признать, что, пади он в бою, он пал бы от благородной руки.

По внешнему виду и чертам лица соперники являли собой полный контраст — каждый из них был характерным представителем своей нации. Франк отличался физической силой и был похож на древнего гота. Целый лес каштановых волос рассыпался по плечам, лишь только он снял шлем. Смуглое лицо его загорело от солнца больше, чем шея, менее подверженная загару. Загар этот не гармонировал ни с его большими голубыми глазами, ни с цветом его кудрей и густых усов, свисавших над верхней губой. По норманнскому обычаю его подбородок был тщательно выбрит. У него был правильный греческий нос, рот — несколько велик, но с прекрасными белыми зубами; его небольшая голова отличалась горделивой посадкой. Ему едва ли было больше тридцати лет, но возраст этот можно было бы уменьшить года на три-четыре, если принять во внимание невзгоды боевой жизни и тяжелый климат. Если вся его фигура в будущем и могла бы стать более тяжеловесной благодаря высокому росту и атлетическому сложению, то теперь она еще отличалась легкостью и подвижностью. У него были поразительно мощные мускулистые руки. Сняв латные рукавицы, он обнажил красивые, не тронутые загаром длинные кисти рук с очень широкими и сильными запястьями. Воинственная смелость и беспечная откровенность отличали его речь и движения. Голос же изобличал человека, привыкшего скорее командовать, чем повиноваться. Он открыто и смело выражал свои чувства.

Сарацинский эмир являл собой резкий контраст с западным крестоносцем. Роста он был выше среднего, но все же дюйма на два-три ниже европейца, почти гиганта. Стройные ноги и тонкие руки хоть и гармонировали с его внешностью, на первый взгляд не указывали на силу и ловкость, которые он только что проявил. Но, приглядевшись к нему внимательнее, можно было заметить, что на его руках и ногах совершенно не было лишнего мяса или жира и они состояли лишь из костей, мускулов и сухожилий; это придавало легкость и свободу всем его движениям. Поэтому он обладал гораздо большей выносливостью и легче переносил усталость, чем какой-нибудь сильный, грузный великан, парализованный тяжестью собственного тела и изнемогающий от своих движений. Лицо сарацина отличалось всеми характерными для его восточного племени чертами, в нем не было ничего общего с тем искаженным образом, который менестрели тех дней обычно придавали языческим воинам, а равно фантастическими изображениями «головы сарацина», все еще красующимися на указательных столбах. Его сильно загоревшее под лучами южного солнца лицо с тонкими и, несмотря на загар, изящными чертами заканчивалось густой волнистой черной бородой, подстриженной с необыкновенной заботливостью. У него был прямой правильный нос, его глубоко сидящие черные глаза светились пронзительным светом, а зубы по красоте не уступали слоновой кости. Внешность сарацина, растянув-

шегоса на траве рядом со своим мощным противником, можно было бы сравнить с его сверкающей саблей, изогнутой в виде полумесяца, с ее узким и легким, но острым дамасским клинком, так непохожим на длинный тяжелый готский меч, лежавший на земле рядом с ним. Эмир был во цвете лет и мог бы считаться красавцем, если бы не его слишком узкий лоб и заостренные черты лица, не совсем соответствовавшие европейскому понятию о красоте.

Манеры восточного воина были сдержанные, но изящные и указывали отчасти на привычку вспыльчивых людей сдерживать свой темперамент, а отчасти на чувство собственного достоинства, порождавшее некоторую церемонность в обращении.

Сознание собственного превосходства можно было наблюдать и у его европейского спутника, но проявлялось оно иначе: в то время как христианину оно диктовало смелость, резкость и некоторую беззаботность, как бы указывая на то, что он знает себе цену и ему безразлично мнение других, сарацину оно предписывало вежливость, более усердную в соблюдении церемоний. Оба они были учтивы, но вежливость христианина проистекала из сознания его долга в отношении к окружающим, тогда как учтивость сарацина — из его гордости и сознания собственного достоинства.

Трапеза обоих путников была весьма неприхотливая, у сарацина — даже более чем скромная. Горсти фиников и куска ячменного хлеба было достаточно, чтобы утолить голод восточного воина, привыкшего довольствоваться скудными дарами пустыни, хотя со времен завоевания Сирии сарацинами простота в жизни арабов часто уступала место безграничной роскоши. Несколькими глотками воды из источника он закончил свою трапезу. Еда христианина, хоть и грубая, была куда более обильной. Существенной частью ее была возбуждающая отвращение у мусульман вяленая свинина; из обтянутой кожей фляги он пил нечто лучшее, чем простая вода. Ел и пил он с большим аппетитом, это корбило сарацина, ибо на еду он смотрел лишь как на удовлетворение телесной потребности. То презрение, какое втайне каждый испытывал к другому как к последователю ложной религии, несомненно, усугублялось благодаря этим различиям в пище и манерах. Но каждый уже испытал на себе силу другого, и взаимного уважения, возникшего после смелого поединка, было достаточно, чтобы заставить умолкнуть более мелкие чувства. Сарацин, однако, не мог удержаться от неодобрительных замечаний по поводу того, что ему не нравилось в поведении и манерах христианина. Наблюдая за рыцарем, который ел с большим аппетитом и закончил еду намного позднее его, он наконец прервал молчание:

— Храбрый назареянин, к лицу ли тому, кто так доблестно сражался, пожирать еду как собака или волк? Неверующий еврей — и тот бы при-

шел в негодование от пищи, которую ты смакуешь, да еще с таким видом, словно это плод с райского дерева.

— Храбрый сарацин, — отвечал на этот неожиданный упрек христианин, с удивлением взглянув на собеседника, — знай, что я пользуюсь своей христианской свободой, когда ем то, что запрещено евреям, пребывающим, как они сами считают, под игом у древних заповедей Моисея. Да будет тебе известно, сарацин, что в своих деяниях мы подчиняемся более высокому закону. Ave Maria!¹ — И, как бы бросая вызов упрекам своего спутника, он закончил краткую молитву на латинском языке жадным глотком из своей кожаной фляги.

— И это ты тоже называешь свободой? — сказал сарацин. — Ты не только жрешь как животное, но еще и унижаешь себя, обращаясь в скотское состояние, когда лакаешь это ядовитое пойло, от которого отвернулась бы даже скотина.

— Пойми ты, глупый сарацин, — не задумываясь ответил христианин, — что ты вместе с твоим отцом Измаилом хулишь дары Божьи. Сок винограда дается тому, кто умеет с толком его пить: он услаждает душу человека после трудной работы, освежает его в болезни и утешает в горести. Тот, кто им услаждается в меру, может благодарить Бога за свою чашу с вином, как благодарит он его за хлеб насущный. Но тот, кто злоупотребляет этим даром небесным, в своем опьянении не глупее, чем ты в своем воздержании.

Услышав эту злую насмешку, сарацин сверкнул глазами и схватился за рукоять кинжала. Но мимолетный порыв замер, стоило ему только вспомнить о страшной силе своего недавнего противника, об этом могучем человеке, с которым он уже имел дело, и об отчаянной схватке, которая давала еще себя чувствовать во всем теле; и он предпочел продолжать спор на словах, находя это более безопасным.

— Твои слова, о назареянин, — сказал он, — могли бы вызвать гнев, но твое невежество достойно лишь сожаления. Разве ты сам не видишь, слепец еще более слепой, чем всякий нищий, просящий милостыню у входа в мечеть, что та свобода, которой ты похваляешься, ограничена даже в том, что является самым дорогим для счастья человека и его домашних. А твой закон, если ты ему подчиняешься, ограничивает тебя, позволяя иметь только одну жену, безразлично, здорова она или больна, плодovита или бесплодна, приносит она в твой домашний очаг утешение и радость или распри и ссоры. Вот это, назареянин, я называю рабством, тогда как пророк разрешил правоверным жить на земле, как патриарх Авраам, отец наш, и Соломон, самый мудрый среди людей: здесь мы мо-

¹ Радуйся, Мария! (лат.)

жем выбирать каких угодно красавиц, а за гробом лицезреть чернооких гурий, дев райских.

— Клянусь именем того, кого я больше всего чту на небесах, — сказал христианин, — и именем той, которую я превыше всех ценю на земле, что ты лишь ослепленный и заблудший неверный! Этот бриллиантовый перстень, что ты носишь на пальце, — ты ведь, несомненно, считаешь бесценным?

— В Бальсоре и Багдаде нельзя найти подобного, — ответил сарацин, — но к чему твой вопрос? Он не относится к делу.

— Нет, даже очень, — отвечал франк, — как ты сам сейчас должен будешь признать. Возьми мою булаву и расколи этот камень на двадцать осколков. Разве каждый из них будет равноценен целому камню или, если их собрать опять вместе, разве ценность их составит хоть десятую часть целого?

— Ты говоришь, как ребенок, — отвечал сарацин, — осколки такого камня не составили бы и сотой доли его стоимости.

— Та любовь, мой сарацин, — продолжал воин-христианин, — искренняя и честная, которая связывает настоящего рыцаря лишь с одной, — вот это и есть драгоценность! Та любовь, что ты даришь женам, рабыням и наложницам, стоит не больше, чем блестящие осколки разбитого бриллианта.

— Клянусь святой Каабой, — воскликнул эмир, — ты просто сумасшедший, который любит свою железную цепью, принимая ее за золотую! Взгляни на вещи более внимательно! Мой перстень потерял бы половину своей красоты, если бы он не был окружен и отделан мелкими бриллиантами, которые его украшают и оттеняют его блеск. Большой алмаз в середине — это мужчина, стойкий и цельный, его ценность зависит только от его собственных качеств. Вот этот круг более мелких камней — женщины, заимствующие от него его блеск и сияние, которыми он их наделяет согласно своим желаниям и прихотям. Вынь из перстня главный камень, он по-прежнему останется драгоценным алмазом, тогда как мелкие утратят свою ценность. Вот истинное толкование твоей притчи. Поэт Мансур сказал: «Благосклонность мужчины дает красоту и обаяние женщине, подобно тому как ручей перестает сверкать, если солнце больше не светит».

— Сарацин, — отвечал рыцарь, — ты говоришь так, как будто никогда не видел женщины, достойной любви воина. Поверь мне: если бы ты мог увидеть европейских женщин, которым мы, рыцари, перед небом даем клятву в верности и преданности, ты бы навсегда возненавидел тех жалких сладострастных рабынь, которые наполняют твой гарем. Красота наших избранниц заостряет наши копья и оттачивает наши мечи. Их слово для нас — закон. Если у рыцаря нет той, которая владеет его сердцем, он

никогда не сможет отличиться в ратных подвигах, так же как незажженный светильник не может дать света.

— Слышал я все эти бредни от западных воинов, — возразил эмир, — и считаю их признаками того безумия, которое несет вас сюда для захвата пустой гробницы. Однако поскольку франки, с которыми мне пришлось встречаться, так прославляют красоту своих женщин, я не прочь был бы взглянуть своими глазами на чары тех, которые могут обратить таких смелых воинов в предмет своих любовных утех.

— Храбрый сарацин, — сказал рыцарь, — если бы не мое паломничество ко Гробу Господню, я был бы счастлив охранять твою жизнь, сопровождая тебя до лагеря короля Ричарда Английского, который лучше других знает, как отдать почести благородному противнику. Хотя я и беден и одинок, я мог бы обеспечить тебе или любому из твоего племени не только безопасность, но также уважение и почет. Ты увидел бы красивейших женщин Франции и Англии, блеск которых в тысячу раз превосходит сверкание твоего бриллианта и всех алмазных россыпей мира.

— Клянусь краеугольным камнем Каабы, — сказал сарацин, — я принимаю приглашение так же охотно, как ты приглашаешь меня, если ты отложишь свое дальнейшее путешествие. И поверь мне, храбрый назареянин, лучше было бы тебе повернуть назад к стану твоего народа, ибо продолжать путь в Иерусалим без охранной грамоты — все равно что добровольно расстаться с жизнью.

— Есть у меня грамота, да еще за подписью и печатью Саладина, — ответил рыцарь, показывая кусок пергамента.

Узнав подпись и печать прославленного султана Египта и Сирии, сарацин склонил голову до земли и, со знаками глубокого уважения целуя пергамент, приложил его ко лбу, после чего вернул христианину, сказав:

— Неосторожный франк, ведь ты согрешил против своей и моей крови, не показав мне эту грамоту при встрече.

— Но ведь ты напал на меня с поднятым копьём, — сказал рыцарь. — Если бы на меня напало целое войско сарацин, я думаю, что не запятнал бы своей чести, показав грамоту султана, но я встретился с врагом один на один.

— Но и одного человека достаточно было, чтобы прервать твой путь, — надменно возразил сарацин.

— Верно, храбрый мусульманин, — отвечал христианин, — но таких, как ты, немного. Такие соколы не летают стаями и, конечно, не бросятся все на одного.

— Ты воздаешь нам должное, — сказал сарацин, видимо польщенный этой похвалой. Его самолюбие было задето предыдущими хвастливыми словами европейца, в которых слышалось явное презрение. — Мы не причинили бы тебе зла. Хорошо еще, что я не заколол тебя, у кого есть

охранная грамота от короля королев! Нет сомнения, что веревка или удар сабли справедливо покарала бы меня за такое преступление.

— Рад слышать, что эта грамота может сослужить мне службу, — сказал рыцарь. — Слыхал я, что дорога кишит разбойниками, которые только и ищут случая пограбить.

— Тебе сказали правду, храбрый христианин, — сказал сарацин. — Но тюрбаном пророка клянусь тебе, что, если б ты только попал в руки этих негодяев, я пришел бы на выручку и отомстил за тебя с пятью тысячами всадников. Я убил бы всех мужчин и отослал бы их жен в рабство так далеко, что за пятьсот миль от Дамаска никто больше не услышал бы об их племени. Я засыпал бы солью все развалины их жилищ, так что ни одна живая душа не смогла бы в них больше обитать.

— Мне хотелось бы, чтобы все эти заботы достались тебе на долю не из-за меня, а из-за более важной особы, благородный эмир, — ответил рыцарь, — но я дал обет перед небом и исполню его, что бы ни случилось. Я был бы обязан тебе, если бы ты указал мне дорогу к такому месту, где я мог бы сегодня вечером отдохнуть.

— Ты сможешь отдохнуть под черным пологом палатки моего отца, — сказал сарацин.

— Эту ночь я должен провести в молитве и покаянии с одним святым человеком по имени Теодорик Энгадийский. Он живет среди этих дикарей, проводя время в служении Богу.

— Я по крайней мере провожу тебя туда, — сказал сарацин.

— Такой провожатый мне был бы очень приятен, — сказал христианин. — Однако это может навлечь опасность на святого старца. Ведь руки твоих жестоких соплеменников запятнаны кровью служителей Бога, поэтому мы и явились сюда в латах и кольчуге, с копьём и мечом, чтобы проложить путь ко Гробу Господню и защищать святых избранников и отшельников, еще живущих в этой обетованной, чудесной земле.

— Назареянин, — сказал мусульманин, — греки и сирийцы оклеветали нас. Мы следуем законам Абубекра Альвакеля, преемника пророка и после него первого вождя правоверных. «Отправляйся в поход, Иезед бен-Софиан, — сказал он, посылая этого именитого военачальника отвоевать Сирию у неверных. — Веди себя как подобает воину, не убивая ни стариков, ни калек, ни женщин, ни детей. Страну не опустошай, не уничтожай ни посева, ни фруктовых деревьев: это дары Аллаха. Свято храни данный обет, даже если это принесет вред тебе самому. Если ты встретишь святых людей, обрабатывающих землю своими руками и служащих Богу в пустыне, не причиняй им зла и не разрушай их жилищ. Но если только встретишь бритые головы, то знай, что это они из синагоги сатаны! Убивай, руби их саблями до тех пор, пока не обратятся в нашу веру или не станут нашими данниками». Как приказал нам калиф, друг пророка, так мы и

поступаем, и наше правосудие карает только тех, кто служит сатане. Тех же добрых людей, которые искренне исповедуют веру в Иссу бен-Мариам, не сея вражды между народами, охраняет наш щит. Таков тот, кого ты ищешь, и хоть вера в пророка не осенила его своим светом, он всегда будет пользоваться моей любовью, уважением и защитой.

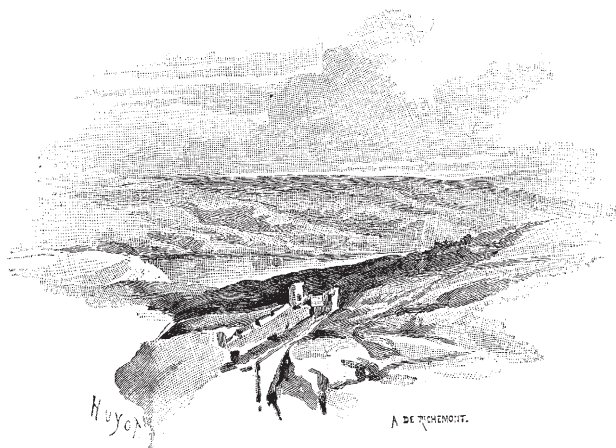
— Тот отшельник, которого я хочу навестить, — сказал воин-пилигрим, — как я слышал, не священник. Но если он принадлежит к этому святому сословию, я бы своим копьем показал язычникам и неверным...

— Не будем презирать друг друга, брат мой, — прервал его сарацин. — Каждый из нас найдет достаточно франков и мусульман, на которых можно было бы направить меч и копье. Этот Теодорик пользуется покровительством турок и арабов. Иногда он ведет себя странно, но он верный служитель своего пророка и заслуживает защиты того, кто был послан...

— Клянусь Пресвятой Девой, сарацин! — воскликнул христианин. — Если ты только дерзнешь произнести имя этого погонщика верблюдов из Мекки рядом с именем...

Гневная дрожь, словно электрический ток, пробежала по телу эмира. Но это была лишь мимолетная вспышка, и ответ его дышал спокойствием, достоинством и сознанием своей правоты, когда он сказал:

— Не поноси того, кого не знаешь. Тем более что мы уважаем основателя твоей религии, хоть и порицаем учение, которым опутали вас ваши священники. Я сам тебя провожу до пещеры отшельника, которую, думаю, без моей помощи тебе трудно будет найти. А пока предоставим муллам и монахам спорить о божественном происхождении нашей веры и будем говорить на темы, более подходящие молодым воинам: о битвах, красивых женщинах, острых мечах и блестящих доспехах.

A DE RICHEMONT.

ГЛАВА III

После недолгого отдыха, окончив свою скромную трапезу, воины поднялись с места, и каждый любезно помог другому приладить упряжь и доспехи, от которых на время были освобождены их верные кони. Видно было, что они прекрасно владели этим искусством, составлявшим в те времена весьма важную часть ратного дела. Их кони, верные товарищи во всех странствиях и войнах, выказывали им доверие и привязанность,

поскольку это допускает разница между животным и разумным существом. Для сарацина эта дружба с конем была привычной с раннего детства: в шатрах воинственных племен Востока конь воина занимает почти такое же важное место, как его жена и дети. Для западного же воина его боевой конь, деливший с ним все невзгоды, был верным собратом по оружию. Поэтому кони спокойно расстались со своим пастбищем и свободой, они приветливо ржали, обнюхивая своих хозяев, пока те прилаживали седла и доспехи для предстоящего трудного пути. Каждый воин, занимаясь своим делом или любезно помогая своему товарищу, с пытливым любопытством разглядывал снаряжение своего попутчика, замечая все, что казалось ему необычным в его приемах.

Прежде чем сесть на коней и продолжать путь, христианский рыцарь снова смочил губы и окунул руки в живительный источник.

— Хотел бы я знать название этого чудесного источника, — сказал он своему товарищу-мусульманину, — чтобы запечатлеть его в моей благо-

дарной памяти: никогда еще столь живительная влага не утоляла жажды более томительной, чем я испытал сегодня.

— На арабском языке, — отвечал сарацин, — его название означает «Алмаз пустыни».

— Правильно его назвали, — ответил христианин. — В моей родной долине тысяча родников, но ни с одним из них у меня не будет связано таких дорогих воспоминаний, как с этим одиноким источником, дарящим свою драгоценную влагу там, где она не только дает наслаждение, но и необходима для жизни.

— Правду ты говоришь, — сказал сарацин, — ибо на том море смерти все еще лежит проклятие, и ни человек, ни зверь не пьет ни из него, ни из реки, что его питает, но не может насытить. Из нее пьют лишь за пределами этой негостеприимной пустыни.

Они сели на коней и продолжали путь через песчаную пустыню. Полуденный зной спадал, и легкий ветерок немного смягчил зной пустыни, хоть и нес на своих крыльях мельчайшую пыль. Сарацин мало обращал на нее внимания, в то время как его тяжело вооруженному спутнику это так досаждало, что он снял свой железный шлем, повесил его на луку седла и заменил его легким колпачком, носившим в те времена название *mortier*¹ из-за его сходства со ступкой. Некоторое время они ехали молча. Сарацин взял на себя роль проводника, указывая дорогу и всматриваясь в едва заметные очертания скал горного хребта, к которому они приближались. Казалось, он был всецело поглощен этим занятием, как кормчий, ведущий корабль по узкому проливу. Но не проехав полумили и убедившись в правильности выбранной им дороги, он, вопреки характерной для своего народа сдержанности, пустился в разговор:

— Ты спрашивал о названии того источника, напоминающего живое существо. Да простишь ты меня, если я спрошу тебя об имени моего спутника, с которым я сначала померился силами в опасной схватке, а потом разделил минуты отдыха. Оно, вероятно, неизвестно даже здесь, в Палестине?

— Оно еще недостойно славы, — сказал христианин. — Однако знай, что среди крестоносцев я известен под именем Кеннета — Кеннет, рыцарь Спящего Леопарда. На родине у меня есть еще много имен, но для слуха восточных племен они показались бы слишком резкими и грубыми. Теперь, храбрый сарацин, позволь и мне спросить, к какому арабскому племени принадлежишь ты и под каким именем ты известен?

— Рыцарь Кеннет, — сказал мусульманин, — я рад, что мои уста легко могут произнести твое имя. Хоть я и не араб, но происхождение свое веду от рода не менее дикого и воинственного. Да будет тебе известно,

¹ Ступка (франц.).

рыцарь Леопарда, что я — Шееркоф, Горный Лев, и что в Курдистане, откуда я происхожу, нет рода более благородного, чем род сельджуков.

— Я слышал, — отвечал христианин, — что ваш великий султан происходит из того же рода.

— Слава пророку, так почтившему наши горы: из их недр он послал в мир того, чье имя — победа, — отвечал язычник. — Пред королем Египта и Сирии я — лишь червь, но все же мое имя на моей родине кое-что значит. Скажи, чужестранец, сколько воинов вышло с тобой вместе на эту войну?

— Клянусь честью, — сказал рыцарь Кеннет, — с помощью друзей и сородичей я едва снарядил десяток хорошо вооруженных всадников и пятьдесят воинов, включая стрелков из лука и слуг. Одни покинули несчастливое знамя, другие пали в боях, некоторые умерли от болезней, а мой верный оруженосец, ради которого я предпринял это паломничество, лежит больной.

— Христианин, — сказал Шееркоф, — здесь у меня в колчане пять стрел, и на каждой — перо из орлиного крыла. Стоит мне послать одну к шатрам моего племени, как тысяча воинов сейчас же сядет на коней, пошлю другую — встанет еще такое же войско, а пять стрел заставят пять тысяч всадников повиноваться мне. Отправлю туда лук — и пустыня сотрясется от десяти тысяч всадников. А ты со своими пятьюдесятью пришел сюда покорить эту страну, в которой я — один из самых ничтожных.

— Клянусь распятием, сарацин, — возразил западный воин, — прежде чем похвалиться, подумай о том, что одна железная рукавица может раздавить целый рой ос.

— Да, но сначала железная рукавица должна поймать их, — сказал сарацин с такой саркастической улыбкой, которая могла бы испортить их отношения, если бы он не переменял тему разговора, и сразу добавил: — А разве храбрость так высоко ценится среди знатных, что ты, без денег и без войска, можешь стать, как ты говорил, моим покровителем и защитником в стане твоих собратьев?

— Знай же, сарацин, — сказал христианин, — что имя рыцаря и его благородная кровь дают ему право занять место в рядах самых знатных властелинов и равняться с ними во всем, кроме королевской власти и владений. Если бы сам Ричард, король Англии, задумал оскорбить честь рыцаря, хоть бы и такого бедного, как я, он по рыцарским законам не мог бы отказаться от поединка.

— Хотел бы посмотреть на такое странное зрелище, — сказал эмир, — где какой-то кожаный пояс и пара шпор позволяют самому бедному стать рядом с самым могущественным.

— Не забудь прибавить к этому благородную кровь и неустрашимое сердце, — сказал христианин, — тогда бы ты не судил ложно о благородстве рыцарства.

— И вы так же смело можете обращаться с женщинами, принадлежащими вашим военачальникам и вождям? — спросил сарацин.

— Видит бог, — сказал рыцарь Спящего Леопарда, — самый ничтожный рыцарь в христианской стране волен посвятить свою руку и меч, славу своих подвигов и непоколебимую преданность сердца благородному служению прекраснейшей из принцесс, чело которой когда-либо было увенчано короной.

— Однако ты только что говорил, — сказал сарацин, — что любовь — это высшее сокровище сердца. И твоя любовь, наверно, посвящена знатной, благородной женщине?

— Чужестранец, — отвечал христианин, густо краснея, — мы не разглашаем опрометчиво, где мы храним наше драгоценное сокровище. Достаточно тебе знать, что моя любовь посвящена даме самой благородной, самой родовитой. Если ты хочешь услышать о любви и сломанных копьях, отважься, как ты намеревался, приблизиться к стану крестоносцев, и, если захочешь, ты найдешь дело и для своих рук, да и уши всего наслышатся.

Приподнявшись в стремени и потрясая в воздухе копьем, восточный воин воскликнул:

— Боюсь, что среди крестоносцев не найдется ни одного, кто бы померился со мной в метании копья.

— Не могу обещать тебе этого, — отвечал рыцарь. — Хотя, конечно, в стане найдется несколько испанцев, весьма искусных в ваших восточных состязаниях с метанием копья.

— Собаки и собачьи сыны! — воскликнул сарацин. — И на что потребовалось этим испанцам идти сюда покорять правоверных, когда в их собственной стране мусульмане — их владыки и хозяева? Уж с ними бы я не стал затевать никаких военных игр.

— Смотри, чтобы рыцари Леона или Астурии не слышали, как ты о них говоришь, — сказал рыцарь Леопарда. — Но, — добавил он, улынувшись при воспоминании об утренней схватке, — если бы вместо стрелы ты захотел выдержать удар секирой, нашлось бы достаточно западных воинов, которые могли бы удовлетворить твоё желание.

— Клянусь бородой моего отца, благородный рыцарь, — сказал сарацин, подавляя смех, — такая игра слишком груба, чтобы заниматься ею просто ради забавы, но в бою я никогда не старался бы избежать с ними встречи; голова же моя, — тут он приложил руку ко лбу, — никогда не позволит мне искать таких встреч ради забавы.

— Хотел бы я, чтобы ты посмотрел на секиру короля Ричарда, — отвечал западный воин, — та, что привешена к луке моего седла, перышко в сравнении с ней.

— Мы много слышали об этом властелине на острове, — сказал сарацин. — Ты тоже принадлежишь к числу его подданных?

— Я один из его соратников в этом походе, — отвечал рыцарь, — и служу ему верой и правдой. Но я не родился его подданным, хоть и принадлежу к уроженцам того острова, которым он правит.

— Как это надо понимать? — спросил восточный воин. — Разве у вас два короля на одном маленьком острове?

— Это именно так, как ты говоришь, — сказал шотландец (сэр Кеннет был родом из Шотландии). — Хоть население обеих окраин этого острова находится в постоянной войне, страна, как ты видишь, может снарядить войско, способное совершить далекий поход, чтобы освободить города Сиона, томящиеся под нечестивым игом твоего властелина.

— Клянусь бородой Саладина, назарейнин, ведь это безумие и ребячество! Я бы мог посмеяться над простодушием вашего великого султана: он приходит завоевывать пустыни и скалы, сражаясь с государями в десять раз сильнее его, оставляя часть своего узкого островка, где он царствовал, под скипетром другого властелина. Право же, сэр Кеннет, и ты и все твои добрые товарищи — вы должны были бы подчиниться власти короля Ричарда, прежде чем оставить свою родную землю, разделенную на два лагеря, и отправиться в этот поход.

Горячим и стремительным был ответ Кеннета:

— Нет, клянусь небесным светилом! Если бы английский король не начал крестовый поход до того, как стал властелином Шотландии, полумесяц мог бы вечно сиять над стенами Сиона — ни я, да и никто из верных сынов Шотландии и пальцем не шевельнул бы.

Зайдя так далеко в своих рассуждениях и как бы спохватившись, он прошептал: «*Mea culpa! Mea culpa!*¹ Разве мне, воину Креста, подобает вспоминать о войнах между христианскими народами?»

От мусульманина не ускользнул этот внезапный порыв, сдержанный чувством долга, и хотя он не совсем понимал, что все это означало, все же он услышал достаточно, чтобы убедиться, что у христиан, как и у мусульман, есть свои личные обиды и национальные распри, не всегда примиримые. Но сарацины принадлежали к племени, у которого вежливость стояла на первом месте, как им указывала их религия, и высоко ценили правила учтивости, и он пропустил мимо ушей слова, выражающие противоречивые чувства сэра Кеннета, в сознании которого крестоносец и шотландец спорили друг с другом.

По мере их продвижения вперед ландшафт заметно менялся. Теперь они повернули к востоку и приблизились к крутым голым склонам гор, окружающих пустынную равнину. Эти горы вносят некоторое разнообра-

¹ Моя вина! Моя вина! (*лат.*)

разие в пейзажи, не скрашивая, однако, облик этой унылой пустыни. С обеих сторон дороги появились скалистые остроконечные вершины, а далее — глубокие ущелья и высокие кручи с узкими, труднопроходимыми тропинками. Все это создавало для путников иные препятствия по сравнению с теми, какие они преодолевали до сих пор. Мрачные пещеры и бездны среди скал — гроты, так часто упоминаемые в Библии, грозно зияли по обе стороны по мере того, как путники продвигались вперед. Шотландский рыцарь слушал рассказы эмира о том, как зачастую все эти ущелья были убежищем хищных зверей или людей, еще более свирепых. Доведенные до отчаяния постоянными войнами и притеснениями со стороны воинов как Креста, так и Полумесяца, они становились разбойниками и не щадили никого, без различия звания, религии, пола и возраста своих жертв.

Шотландский рыцарь, уверенный в своей отваге и силе, без особого любопытства прислушивался к рассказам о нападениях диких зверей и разбойников. Однако его обуял какой-то непонятный страх при мысли, что он теперь находится среди той ужасной пустыни сорокадневного поста, где злой дух искушал сына человеческого. Он рассеянно слушал, постепенно переставая обращать внимание на речи воина-язычника, ехавшего рядом с ним: в другом месте веселая болтовня его спутника, пожалуй, и занимала бы его. Но Кеннет чувствовал, что какой-нибудь босоногий монах больше подходил бы ему в спутники, чем этот веселый язычник — в особенности в этих пустынных, иссохших местах, где витали злые духи, изгнанные из тел смертных, где они раньше обитали.

Эти мысли тяготили его тем сильнее, чем веселее становился сарацин по мере их продвижения вперед: чем дальше он двигался среди этих мрачных, уединенных скал, тем непринужденнее становилась его болтовня. Она даже перешла в песню, когда он увидел, что его слова остаются без ответа.

Кеннет достаточно знал восточные языки, чтобы убедиться в том, что он пел любовные песни, полные пламенного восхваления красоты, столь щедро расточаемого восточными поэтами; это никак не гармонировало с его серьезными и благочестивыми мыслями, сосредоточенными на созерцании Пустыни великого искушения. Вопреки заповедям своей веры, сарацин начал также петь песни, восхвалявшие вино, этот влажный рубин персидских поэтов, и веселость его стала в конце концов настолько противной чувствам, одолевшим рыцаря-христианина, что, если бы не клятва в дружбе, которой они сегодня обменялись, сэр Кеннет, несомненно, заставил бы своего спутника петь совсем иные песни. Крестоносцу казалось, что его сопровождает веселый, беспутный демон, старающийся его обольстить, угрожая его вечному спасению, вселяя в него вольные мысли о земных благах и оскверняя его набожность, — ведь ве-

рующая душа христианина и обет пилигрима призывали его к самым серьезным и покаянным помыслам. Он пришел в недоумение и не знал, как ему поступить. С запальчивостью и негодованием он, наконец нарушив молчание, прервал песню знаменитого Рудаки, в которой тот воспекает родинку на груди своей возлюбленной, предпочитая ее всем сокровищам Бухары и Самарканда.

— Сарацин, — сурово воскликнул крестоносец, — ты ослеп и погряз в заблуждениях своей ложной веры, но ты должен понять, что есть на земле места более священные, чем другие; а есть и такие, где дьявол получает еще больше власти над грешными смертными. Я тебе не скажу, какие ужасные причины заставляют считать это место, эти скалы и пещеры с их мрачными сводами, как бы ведущие в преисподнюю, излюбленным обиталищем сатаны и падших ангелов. Скажу тебе только, что мудрые и святые люди, которым хорошо известны эти проклятые места, давно уже предупреждали меня, чтобы я избегал их. Поэтому, сарацин, воздержись от своего неразумного легкомыслия, так не вовремя проявленного, и обрати свои мысли в другую сторону, помышляя об этих местах, хотя, увы, твои молитвенные воздыхания обращены лишь в сторону греха и богохульства.

Сарацин выслушал все это с некоторым удивлением и затем ответил со свойственным ему добродушием и непринужденностью, несколько умеренной требованиями вежливости:

— Добрый рыцарь Кеннет! Мне кажется, ты поступаешь несправедливо со своим товарищем, или, быть может, правила учтивости толкуются иначе у западных племен. Когда я видел, как ты поглощал свинину и пил вино, я не произнес никаких обидных слов и позволил тебе наслаждаться твоим пиршеством: ведь вы, христиане, относите это к вашей христианской свободе; я лишь в глубине души жалел о столь недостойном препровождении времени. Почему же ты протестуешь, когда я, как могу, стараюсь скрасить этот мрачный путь веселыми песнями? Как сказал поэт: «Песня — это небесная роса, павшая на лоно пустыни, она освежает путь странника!»

— Друг мой сарацин, — сказал христианин, — я не осуждаю твою склонность к песне и веселью, хотя мы часто и уделяем им слишком много места в наших мыслях и забываем о вещах более достойных. Молитвы и святые псалмы, а не любовные или заздравные песни подобает петь странникам, путь которых лежит через Долину Смерти, населенную демонами и злыми духами. Ведь молитвы святых заставили их покинуть людские селения, чтобы скитаться в проклятых Богом местах.

— Не говори так о духах, христианин, — отвечал сарацин. — Знай, что ты говоришь о том, кто принадлежит к племени, происходящему от этого бессмертного рода, а ваша секта боится и проклинает его.

— Я так и думал, — отвечал крестоносец, — что твоя слепая раса происходит от этих нечистых демонов: ведь без их помощи вам не удалось бы удержать в своих руках святую землю Палестины против такого количества доблестной божьей рати. Мои слова относятся не только лично к тебе, сарацин, я говорю вообще о твоём племени и религии. И странным мне кажется не то, что ты произошёл от нечистых духов, но что ты ещё и кичишься этим.

— Как же храбрейшим не хвалиться происхождением от того, кто храбрее всех? — сказал сарацин. — От кого же самому гордому племени вести свою родословную, как не от духа тьмы, который скорее пал бы в борьбе, чем преклонил колена добровольно. Иблиса можно ненавидеть, чужестранец, но его нужно бояться, и иблису подобны его потомки из Курдистана.

Сказки о магии и колдовстве в те времена заменяли науку, и Кеннет доверчиво и без особого удивления слушал признание своего попутчика о его дьявольском происхождении. Однако он испытывал какую-то тайную дрожь, находясь в этих мрачных местах в обществе того, кто открыто признавался в своём ужасном родстве и гордился им. От рождения не знавший чувства страха, он все же перекрестился. Сарацина же Кеннет настойчиво попросил рассказать о своей родословной, которой он так похвалялся, и тот с готовностью согласился.

— Да будет тебе известно, смелый чужестранец, — сказал он, — что, когда жестокий Зоухак, один из потомков Джамшида, овладел тронem Персии, он заключил союз с силами тьмы в тайных подземельях Истакара, которые были высечены духами в первобытных скалах ещё задолго до появления Адама. Здесь жертвенной человеческой кровью он ежедневно поил двух кровожадных змей, и, по свидетельству многих поэтов, они стали как бы частью его собственного тела. Чтобы поддерживать жизнь змей, он приказал каждый день приносить им в жертву людей. Наконец терпение его подданных иссякло, и они, взявшись за оружие, подняли восстание, подобно храброму Кузнецу и непобедимому Феридуну. Тиран был ими свергнут с трона и навсегда заключен в мрачные пещеры горы Демавенд. Однако перед тем, как произошло это освобождение, и в то время, как власть кровожадного тирана дошла до предела, шайка его рабов, которых он послал добыть жертвы для своих ежедневных жертвоприношений, привела к сводам дворца Истакара семь сестер такой красоты, что они походили на семь гурий. То были дочери одного мудреца; у него не было никаких сокровищ, кроме этих красавиц и своей собственной мудрости. Но последней было недостаточно, чтобы предвидеть это несчастье, а первые были не в состоянии предотвратить его. Старшей из его дочерей не минуло ещё двадцати лет, младшей — едва тринадцать. Они были так похожи друг на друга, что их можно было различить лишь

по росту: когда они стояли рядом по старшинству, одна немного выше другой, то это походило на лестницу, ведущую к воротам рая. Стоя перед мрачными сводами, эти семь сестер, одетые лишь в белые шелковые хитоны, были так прекрасны, что чары их тронули сердца бессмертных. Раздался гром, земля пошатнулась, стена раздвинулась, и появился юноша в одежде охотника, с луком и стрелами, за ним следовали шесть его братьев. Все они были рослые, красивые, хоть и смуглые, но глаза их светились неподвижным, холодным блеском, подобно глазам мертвецов: в них не было света, согревающего взгляд живых людей. «Зейнаб, — сказал их предводитель, взяв старшую за руку; его тихий голос звучал нежно и печально. — Я — Котроб, король подземного царства и властелин Джиннистана. Мы принадлежим к тем, кто создан из чистого, первозданного огня и кто с презрением отказался, даже вопреки воле Всемогущего, склониться перед глыбой земли лишь потому, что ей было дано имя «Человек». Ты, может быть, слышала о нас как о жестоких и неумолимых притесните-

лях? Это неверно. По природе мы храбры и великодушны, мы становимся мстительными только тогда, когда нас оскорбляют, и жестокими — когда на нас нападают. Мы храним верность тому, кто доверяет нам. Мы слышали мольбы твоего отца, мудреца Митраопа, который оказывает почести не только доброму началу, но и злumu. Ты и сестры твои — накануне гибели. Пусть каждая из вас в залог верности даст нам по одному волосу из своих светлых кос, и мы перенесем вас за много миль отсюда в укрomное место, и там вы можете уже не страшиться Зоxxака и его приспешников». «Боязнь скорой смерти, — сказал поэт, — подобна жезлу пророка Гаруна; обратясь в змею, этот жезл на глазах у фараона пожрал все другие жезлы, превратившиеся в змей». Дочери персидского мудреца, менее других подверженные боязни, не испугались, услышав эти слова духа. Они отдали ту дань, что у них просил Котроб, и в то же мгновение были перенесены в волшебный замок в горах Тугрута в Курдистане, и никто из смертных их больше не видел. Через некоторое время семеро юношей, отличившихся в войне и на охоте, появились в окрестностях замка демонов. Они были более смуглыми, более рослыми, более смелыми и более воинственными, чем жители селений в долинах Курдистана. Они взяли себе жен и стали родоначальниками семи курдистанских племен, доблесть которых известна всему миру.

С удивлением слушал рыцарь-христианин эту дикую легенду, которая еще доныне сохраняется в пределах Курдистана, затем, подумав немного, он ответил:

— Верно ты говоришь, мой рыцарь: твоя родословная может внушать ужас и ненависть, но ее нельзя презирать. Я больше не удивляюсь твоей упорной приверженности к ложной вере, унаследованной тобой от предков, этих жестоких охотников, как ты их описывал, которым свойственно любить ложь больше правды. Я больше не удивляюсь и тому, что вас охватывает восторг и вы поете песни при приближении к местам, где нашли себе прибежище злые духи. Это должно тебя волновать и вызывать чувство радости, подобное тому, какое многие испытывают, приближаясь к стране своих земных предков.

— Клянусь бородой моего отца, ты говоришь правду, — сказал сарацин, скорее забавляясь, чем обижаясь, услышав такие откровенные слова христианина. — Хотя пророк (да будет благословенно его имя!) и посеял в нас семена лучшей веры, чем та, какой учили нас предки в населенных духами мрачных убежищах Тугрута, мы не осуждаем, подобно другим мусульманам, тех могучих первобытных духов, от которых ведем наш род. Мы верим и надеемся, что эти духи осуждены не окончательно, но лишь проходят свое испытание и могут еще быть впоследствии наказаны или вознаграждены. Предоставим муллам и имамам судить об этом. Нам до-

вольно того, что почитание этих духов не отвергнуто учением Корана, и многие из нас еще воспевают старую веру наших отцов в таких стихах.

При этих словах он запел очень старое по складу и стиху песнопение, по преданию сочиненное почитателями злого духа Аримана:

АРИМАН

Дух смерти, мрачный Ариман,
Ты — злое божество
Для стран Востока.
Приносим жертвы в капище твоём,
Кто может быть
Сравним с тобой?

Дух света только повелит,
И вот забил родник
Для путников усталых,
А ты лишь зло несешь,
И тонут корабли,
Лишь ты прикажешь буре.

Господь велел — и травы нам
Даруют исцеленье
От всех скорбей людских,
Но трудно одолеть
Чумную лихорадку,
Что насылаешь ты.

Как властно ты проник в наш ум,
И как бы ни молились мы
Пред новым алтарем,
Но тайно в сердце нашем
Тебя мы чтим,
О Ариман.

Но неужели ты жесток
И можешь, как твердит Восток,
Все ведать, чувства ощущать?
Воззвавши бурю,
Вверх взлетаешь
И смерть несешь с небес?

Иль ты всего лишь часть природы,
Стихии порожденье,
Немая сила зла.
И, захватив над сердцем власть,
В него вселяешь яда сласть,
Желая милость победить.

Кто знает, правда ль, нет,
Что ты несчастий властелин
И мрака царь?
Все зло, что может человек вместить:
Гордыню, зависть, унижение, страх,
Ты умножаешь всласть.

Лишь солнце в небе поднялось,
Утешить и согреть сердца,
Ты тут как тут:
И мигом хлеб ты в камень обратишь
И смуту заведешь.

И от рожденья
До последних дней,
Зловещий царь, ты властелин!
Но свято веруем все мы,
Что за последнюю чертой
Ты будешь побежден.

Эта песня, может быть, и была плодом фантазии какого-нибудь полупросвещенного философа, который в этом сказочном божестве Аримане видел лишь преобладание духовного и телесного злого начала, на слух Кеннета это произвело иное впечатление: спетая тем, кто только что похвалялся своим происхождением от демонов, она звучала как похвала самому сатане. Слыша такое богохульство в пустыне, где был побежден возгордившийся сатана, он стал раздумывать, как ему поступить: достаточно ли будет лишь расстаться с этим сарацином, чтобы выразить свое возмущение, или, следуя обету крестоносца, он должен немедленно вызвать этого басурмана на поединок, оставив его труп в пустыне на съедение диким зверям? Но внезапно его внимание было отвлечено неожиданным происшествием.

Хотя наступали сумерки, рыцарь разглядел, что в этой пустыне они больше не одни: какое-то высокое и изможденное существо наблюдало за ними, ловко перескакивая через кусты и скалы. Вид этого волосатого дикаря напомнил ему фавнов и сильванов, изображения которых он видел в древних храмах Рима. И прямодушный шотландец, ни на минуту не сомневавшийся в том, что боги этих древних язычников действительно являются демонами, сразу поверил, что богохульный гимн сарацина вызвал этого духа ада.

«Но что мне до того? — подумал про себя Кеннет. — Чтоб они сгинули, эти бесы и все их приспешники!»

Однако он не счел нужным бросить вызов двум противникам, что, несомненно, сделал бы, имея дело лишь с одним. Его рука все же коснулась

булавы, и, может быть, неосторожный сарацин поплатился бы за свою персидскую легенду — он без всякой видимой причины тут же разнес бы сарацину череп. Но судьба уберегла шотландского рыцаря от поступка, который мог опорочить его оружие. Видение, за которым он некоторое время наблюдал, сначала следовало за ними, прячась за скалы и кусты, проворно преодолевая все препятствия и ловко используя любую возможность, чтобы укрыться от их взоров. Но в ту минуту, когда сарацин прервал свое пение, призрак этот, оказавшийся высоким человеком, одетым в козью шкуру, выскочил на середину тропы и вцепился обеими руками в узду коня сарацина, заставив его круто осадить назад. Благородный конь, не выдержав внезапного нападения незнакомца, схватившего его за удила и мундштук, состоявший, по восточному обычаю, из толстого железного кольца, взвился на дыбы и опрокинулся назад, упав на своего хозяина, которому все же удалось избежать гибели, оттолкнувшись от него при падении.

Затем нападающий, бросив коня, быстро обхватил обеими руками шею всадника, навалился на отбивающегося сарацина и, несмотря на его юность и ловкость, прижал к земле. Пленник сердито, но в то же время полусмеясь закричал:

— Хамако, дурак ты этакий, отпусти меня! Как ты смеешь! Отпусти, или я заколю тебя кинжалом!

— Кинжалом? Собака ты неверная, — сказал человек в козьей шкуре. — Удержи его в своей руке, коли можешь! — И в одно мгновение он выхватил кинжал из рук сарацина и взмахнул им над головой.

— На помощь, назарянин! — закричал Шееркоф, не на шутку испугавшись. — Ведь Хамако заколет меня!

— И стоило бы заколоть! — отвечал житель пустыни. — Разве ты не заслуживаешь смерти за твои богохульные гимны, которые ты тут распевал, восхваляя не только своего лжепророка — предвестника дьявола, но и самого сатану!

Рыцарь-христианин все еще в изумлении смотрел на эту странную сцену — столь неожиданным было это внезапное нападение. Наконец он почувствовал, что долг повелевает ему вмешаться и прийти на помощь своему побежденному спутнику; и он обратился к победителю в козьей шкуре со следующими словами.

— Кто бы ты ни был, — сказал он, — приверженец ли добрых или злых духов, знай, что я поклялся быть верным товарищем сарацину, которого ты держишь под собой. Поэтому, прошу тебя, дай ему встать, иначе я вступлюсь за него.

— Хорош бы ты был, крестоносец, — ответил Хамако, — сражаясь с человеком своей святой веры из-за какой-то некрещеной собаки. Разве

ты пришел в эту пустыню сражаться против Креста и защищать Полумесяц? Хорош ты, воин Господень, слушающий тех, кто воспевают сатану!

Говоря это, он все же встал, позволив сарацину подняться, и возвратил ему кинжал.

— Ты видишь, к каким опасностям тебя привела твоя гордыня, — продолжал человек в козьей шкуре, обращаясь к Шееркофу, — и с какими ничтожными средствами можно одолеть твою хваленую ловкость и силу, если на то будет воля Господня! Берегись же, Ильдерим, и знай, что, если бы в звезде, под которой ты родился, не было отблеска, предвещающего тебе что-то хорошее и угодное небу, я не отпустил бы тебя, пока не перерезал бы глотку, из которой только что извергались эти богохульства.

— Хамако, — спокойно сказал сарацин, не обращая внимания ни на его грубые слова, ни на еще более яростное нападение, которому он подвергся. — Прошу тебя, добрый Хамако, будь осторожнее и не пытайся снова злоупотреблять своим нравом. Хотя я мусульманин и уважаю тех, у кого небо отняло разум, чтобы одарить их духом пророчества, я не потерплю, чтобы кто-либо схватил за узду моего коня или задел меня самого. Говори что хочешь и будь уверен — я не обижусь на тебя. Но образумься и пойми, что, если ты еще раз попытаешься напасть на меня, я снесу твою косматую голову с твоих тощих плеч. Тебе же, друг мой Кеннет, я должен сказать, — добавил он, садясь на своего коня, — что в пустыне я предпочел бы получить от своего попутчика дружескую помощь, а не слушать его высокопарные речи. Довольно я их от тебя наслушался, и было бы лучше, если бы ты мне помог в схватке с этим Хамако, который в своем бешенстве чуть не прикончил меня.

— Клянусь честью, — сказал рыцарь, — я действительно виноват в том, что немного запоздал со своей помощью. Но все произошло так внезапно и твой противник выглядел так странно. Сначала я подумал, что твоя дикая и нечестивая песня вызвала дьявола, который встал между нами. Я так был ошеломлен, что прошло две-три минуты, прежде чем я взялся за оружие.

— Вижу, что ты холодный и рассудительный друг, — сказал сарацин. — Будь Хамако более яростен, твой товарищ был бы убит у тебя на глазах к твоему вечному позору. А ты и пальцем не пошевелил, чтобы мне помочь, оставаясь на коне во всем вооружении.

— Даю тебе слово, сарацин, — сказал христианин, — и признаюсь откровенно: я принял это странное существо за дьявола, и, поскольку он должен был, как мне казалось, принадлежать к твоему племени, я не мог догадаться, какие там семейные тайны могли вы сообщать друг другу, катаясь на песке в дружеских объятиях.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава I</i>	5
<i>Глава II</i>	12
<i>Глава III</i>	24
<i>Глава IV</i>	45
<i>Глава V</i>	56
<i>Глава VI</i>	61
<i>Глава VII</i>	72
<i>Глава VIII</i>	84
<i>Глава IX</i>	95
<i>Глава X</i>	108
<i>Глава XI</i>	117
<i>Глава XII</i>	134
<i>Глава XIII</i>	142
<i>Глава XIV</i>	151
<i>Глава XV</i>	159
<i>Глава XVI</i>	167
<i>Глава XVII</i>	173
<i>Глава XVIII</i>	182
<i>Глава XIX</i>	197
<i>Глава XX</i>	210
<i>Глава XXI</i>	224

<i>Глава XXII</i>	233
<i>Глава XXIII</i>	244
<i>Глава XXIV</i>	254
<i>Глава XXV</i>	267
<i>Глава XXVI</i>	276
<i>Глава XXVII</i>	289
<i>Глава XXVIII</i>	306